Н. М. Литературныя и журнальныя замѣтки. Январь 1873 г. На новый годъ. Изъ исторіи отношеній нашей литературы въ праздному любопытству. Диссертація г. Зибера: «Теорія цѣнности и капитала Рикардо». <...> Г. Достоевскій о социализмѣ // Отечественныя Записки. 1873. № 1. С. 133-161.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Январь 1873 г.

На новый годъ. — Изъ исторіи отношеній нашей литературы къ праздному любопытству. — Диссертація г. Зибера: «Теорія цѣнности и капитала Рикардо». — Почему тенденціозная литература иногда даетъ замѣчательные художественные и научные результаты, а иногда нѣтъ. — Совѣтъ «Малэру». — Гг. Эдипъ де-Пуле и Эдипъ Коршъ. — «Разсвѣтъ, сборникъ произведеній писателей-самоучекъ». — Что произойдетъ, если въ современной литературѣ явятся десятки новыхъ талантовъ? Ничего не произойдетъ. — Куда вышелъ изъ народа г. Губонинъ? — «Очерки ирландской жизни», Тренча. — Важный соціологическій законъ и его примѣненіе къ условіямъ успѣха и къ задачамъ литературы. — Самоотреченіе Милля. — Два слова о публицистикѣ и беллетристикѣ. — Г. Достоевскій о соціализмѣ.

Съ новымъ годомъ, читатель, съ новымъ счастьемъ. Знакомые и родные пожелаютъ вамъ чиновъ, крестовъ, многолѣтія, дѣтей, здоровья, богатства. Я, вашъ скромный собесѣдникъ по текущимъ дѣламъ русской литературы, могу вамъ пожелать только одного: честной и смѣлой литературы. Но за то, я увѣренъ, ни одинъ изъ вашихъ знакомыхъ не подноситъ вамъ своихъ пожеланій всякихъ благъ земныхъ и небесныхъ съ такой искренностью, съ какою я приношу вамъ свое. И, можетъ быть, немного найдется благъ выше того, котораго желаю вамъ я. Въ принципѣ, литература есть такая же служительница истины и справедливости, какъ и всѣ другія общественныя функціи. Но поле ея дѣятельности шире, чѣмъ у другихъ функцій, а потому съ нея больше и спрашивается, и большее благо представляетъ она, если исполняетъ свои обязанности какъ слѣдуетъ. Смѣлость и честность обязательны для нея въ такой же мѣрѣ, какъ для суда, для политики внутренней и внѣшней, для экономической дѣятельности. Но ея положительныя или отрицательныя качества важнѣе для общества, такъ какъ ей до извѣстной степени принадлежитъ власть и надъ судомъ, и надъ политикой, и надъ экономической дѣятельностью. Конечно, мы

нѣсколько отвыкли отъ такого представленія о значеніи литературы. Но только потому, что литература теперешняя имѣетъ весьма мало положительныхъ качествъ, а качества отрицательныя—слабость, вялость, нечестность, распущенность—не могутъ давать результатовъ, вполнѣ осязательныхъ. Они дѣлаютъ свое дѣло, эти отрицательныя качества, они вносятъ въ общество свой ядъ, и еслибы можно было вычислить количество его, мы изумились бы округленности цифры, но это вліяніе невидно и неуловимо. Доброкачественны или дрянны предлагаемые обществу продукты литературы, но à la longue они не остаются безъ вліянія. Если они не всегда воспринимаются сознательно, то всасываются безсознательно, и такъ или иначе дѣлаютъ свое дѣло. И вотъ почему я утверждаю, что, желая вамъ честной и смѣлой литературы, я желаю вамъ одного изъ величайшихъ благъ. Я очень хорошо понимаю, что многіе найдутъ мое пожеланіе идиллическимъ. «Честность», «смѣлость», «служительница истины и справедливости», — все это для насъ «жалкія слова», смѣшныя слова, ненужныя, непонятныя, чужія слова. Литература наша умѣла понимать этотъ языкъ въ періодъ своего возрожденія и молодости, но теперь это для нея нѣчто въ родѣ засохшихъ желтыхъ цвѣтовъ Адуева, нѣчто въ родѣ изображенія предмета первой, чистой любви старой, нарумяненной кокотки, — воспоминаніе о шалостяхъ и увлеченіяхъ дѣтства. Пріятно конечно иногда возобновить въ своей памяти розовыя мечты и золотыя надежды юношескихъ годовъ, ту рьяность, ту гордость, вѣру въ себя, широкій размахъ требованій отъ жизни, которые такъ красятъ молодость. Но не возвращаться же къ этой пройденной ступени. Я авторъ передовыхъ статей, фельетонистъ, беллетристъ и проч.,—при чемъ тутъ служеніе истинѣ и справедливости, смѣлость, честность? — Говоря это, я, разумѣется, не имѣю въ виду отдѣльныхъ личностей, между которыми есть изношенныя и неизношенныя. Литература въ общемъ состарѣлась настолько, что не можетъ безъ скептической улыбки говорить нетолько о формахъ своихъ юношескихъ надеждъ и задачъ, а и о самыхъ надеждахъ и задачахъ. И тѣмъ не менѣе, я все-таки желаю вамъ смѣлой и честной литературы.

Но я долженъ, во избѣжаніе недоразумѣній, оговориться. Со стороны внѣшнихъ вліяній положеніе литературы невыгодно. Это всѣмъ извѣстно, хотя «Указатель по дѣламъ печати», къ сожалѣнію, не печатаетъ свѣдѣній объ арестуемыхъ и уничтожаемыхъ книгахъ. Законъ 7-го іюня 1872 года, извѣстный подъ именемъ дополненія закона 6-го апрѣля 1865 года, значительно ограничилъ свободу печати.

Не въ цензурномъ отношеніи конечно можемъ мы пожелать литературѣ избытка смѣлости. Дѣло ясное, что мы должны дѣлать только то, что намъ позволяютъ дѣлать, потому что если мы позволимъ себѣ дѣлать то, чего намъ не позволяютъ, то намъ ничего не позволятъ дѣлать. Таково положеніе вещей.

Но литература можетъ ослаблять по крайней мѣрѣ нѣкоторые мотивы недовѣрія и неуваженія къ ней, а можетъ — значитъ должна. Литература можетъ быть честна и смѣла, если не въ способахъ бесѣды съ читателями, если не во внѣшнемъ выраженіи своихъ идей, то въ своемъ внутреннемъ отношеніи къ обществу, а можетъ — значитъ должна. И потому я опять-таки желаю читателю честной и смѣлой литературы, желаю — значитъ ея нѣтъ. Да, ея нѣтъ, или почти нѣтъ.

Литература можетъ въ значительной степени сама убѣдить и общество, и правительство, что удовлетвореніе праздная любопытства не есть ея задача. Это очень нетрудно, ибо одна изъ существеннѣйшихъ задачъ литературы состоитъ напротивъ въ борьбѣ съ праздным любопытствомъ, куда бы оно ни было устремлено. Ученый, если онъ сообщаетъ только свѣдѣнія, хотя бы эти свѣдѣнія ни на что не годились, художникъ, который даетъ только картинки, хотя бы эти картинки не имѣли никакого содержанія,—удовлетворяютъ праздному любопытству и не только не исполняютъ задачъ литературы, но подлежатъ ея карѣ, какъ подлежитъ ея карѣ всякій другой гаеръ и фокусникъ. Мы не на столько ригористы, чтобы не признавать человѣческой слабости и законности извѣстной дозы гаерства и фокусничества почти на всѣхъ путяхъ жизни. Но est modus in rebus, что можно перевести порусски: сквернаго по немножку. Всегда и во всѣхъ отрасляхъ науки, и во всѣхъ видахъ искусства найдутся гробокопатели, удовлетворяющіе праздному любопытству. Но желательно, чтобы приправа не превращалась въ кушанье.

Да позволено мнѣ будетъ напомнить читателю нѣкоторые моменты отношеній нашей литературы къ праздному любопытству. Намъ незачѣмъ подниматься къ тому глухому времени, когда связанная по рукамъ и по ногамъ литература по необходимости удѣлала много силъ на удовлетвореніе праздная любопытства. Мы напомнимъ лишь начало нынѣшняго царствованія, когда формулы праздная любопытства: «наука для науки», «искусство для искусства» подвергались безпощадному бичеванію и были почти изгнаны дружными усиліями литературы. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это время, но всякій долженъ признать, что литература пользовалась тогда уваженіемъ, что къ ея голосу прислушивались во всѣхъ концахъ Россіи, что люди стремились сообразоваться съ ея указаніями и въ частной жизни, и въ общественной дѣятельности. Одну изъ причинъ этого явленія несомнѣнно составляло презрѣніе литературы къ праздному любопытству. Конечно, мы называемъ здѣсь праздным любопытствомъ то, что другіе называютъ спеціально-научными и спеціально-художественными цѣлями. Эти другіе должны будутъ назвать презрѣніе къ праздному любопытству презрѣніемъ къ наукѣ и искусству. Но—странное дѣло—это презрѣніе ни малѣйше не вредило интересамъ науки и искусства. Литература

была тенденціозна, она была вся поглощена разрѣшеніемъ текущихъ вопросовъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяла на ходъ общественныхъ дѣлъ и поведеніе отдѣльныхъ личностей, научныя и художественныя цѣли отодвигала на послѣдній планъ и однако попутнымъ образомъ давала замѣчательные научные и художественные результаты. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1871 году вышла диссертація г. Зибера «Теорія цѣнности и капитала Рикардо въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями»,—довольно замѣчательное явленіе въ нашей школьной литературѣ. Это «критико-экономическое изслѣдованіе» имѣетъ въ основаніи своемъ теорію цѣнности Карла Маркса и стремится доказать, что ученіе о цѣнности, какъ оно поставлено классической политической экономіей (Смитъ, Рикардо, отчасти Мальтусъ), требуетъ только извѣстныхъ дополненій и послѣдовательнаго развитія, чтобы достигнуть строго-научнаго значенія. Между тѣмъ, послѣдующіе экономисты не только не дали этого дополненія и послѣдовательнаго развитія, но, запутываясь въ эмпирическихъ фактахъ, все болѣе и болѣе уклонялись отъ истины. Въ предисловіи г. Зиберъ говоритъ, что ему извѣстны только два сочиненія, въ которыхъ разсматриваются важнѣйшія части системы Рикардо въ ихъ взаимной связи; одно изъ нихъ есть сочиненіе Баумштарка, а другое—статья нашего соотечественника г. Ю. Жуковскаго «Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ» («Современникъ», 1864 г.). О достоинствахъ этой работы авторъ говоритъ вскользь, именно, что, будучи согласенъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ съ г. Жуковскимъ, онъ не согласенъ съ нимъ въ другихъ. Мнѣ пріятно вспомнить, что въ статьѣ «О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго» я отдалъ большую справедливость заслугамъ нашего экономиста. Я указалъ именно, что г. Жуковскій давно уже высказалъ мысль о необходимости возвращенія къ источникамъ политической экономіи, въ которыхъ имѣются всѣ данныя для правильнаго рѣшенія основныхъ вопросовъ науки, данныя, совершенно извращенныя современною школьною политическою экономіей. Но я тогда же указалъ, что честь «права перваго занятія» этой идеи, оказавшейся нынѣ столь плодотворною въ сильныхъ рукахъ Карла Маркса, принадлежитъ въ русской литературѣ не г. Жуковскому, а другому писателю, автору статей «Экономическая дѣятельность и законодательство» («Современникъ», 1859), «Капиталъ и трудъ» (1860), примѣчаній къ Миллю и проч. Кромѣ старшинства по времени, разница между этимъ писателемъ и г. Жуковскимъ можетъ выразиться наглядными образомъ такъ: Если, напримѣръ, г. Жуковскій обстоятельно и строго-научно, даже нѣсколько педантически, доказываетъ, что трудъ есть мѣра цѣнности и что всякая цѣнность производится трудомъ, то авторъ упомянутыхъ статей, не упуская изъ виду теоретической

стороны дѣла, напираетъ преимущественно на логическій практическій выводъ изъ нея: будучи производима и измѣряема трудомъ, всякая цѣнность должна принадлежать труду. Во всякомъ случаѣ, г. Жуковскій былъ когда-то чадомъ своего времени, какъ теперь онъ чадо другого времени. И потому намъ пожалуй и незачѣмъ мѣрять его съ кѣмъ бы то ни было. Намъ важно только указать, что въ періодъ презрѣнія къ наукѣ русская литература оказывала такія важныя услуги даже чистой наукѣ, что будущій историкъ развитія экономическихъ идей въ Россіи отмѣтитъ ихъ съ величайшимъ почтеніемъ. Скажемъ больше. Будущій историкъ напишетъ: еслибы въ это время русскій языкъ былъ извѣстенъ въ Европѣ, то европейская наука могла бы кое-чѣмъ позаимствоваться отъ этихъ якобы легкомысленныхъ и презирающихъ науку людей.

Въ области искусства напомнимъ, что въ періодъ презрѣнія къ искусству выросъ и окрѣпъ талантъ Щедрина, который безъ сомнѣнія займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи русской литературы. Напомнимъ Островскаго. Напомнимъ группу талантливыхъ народныхъ писателей, каковы Рѣшетниковъ, гг. Гл. Успенскій, Левитовъ, Н. Успенскій, отчасти г. Слѣпцовъ. Этому направленію, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не удалось развернуться и окрѣпнуть. Оно только начало слагаться, вызванное самою жизнью, какъ колесо жизни повернулось. Судить эту маленькую группу пока очень мудрено. Во всякомъ случаѣ «Разоренье» Гл. Успенскаго показало, что отъ нея мы вправѣ ждать своего рода драгоцѣнностей. Но, еслибы она даже совершенно заглохла, что было бы очень и очень печально, то историкъ литературы, даже имѣя въ виду спеціально-художественные интересы, несомнѣнно помянетъ добрымъ словомъ теплый, мягкій юморъ Гл. Успенскаго и, какъ выразился г. Тургеневъ, «трезвую правду» Рѣшетникова. Они будутъ помянуты такъ, какъ разумѣется не помянется ничто, порожденное нашимъ временемъ, когда мы вновь возвращаемся къ уваженію науки и искусства по одной терминологіи, къ праздному любопытству по другой.

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ временъ возрожденія русской литературы. Это была литература смѣлая и честная, игравшая въ открытую, требовавшая отчета отъ всѣхъ явленій жизни и готовая всегда сама дать отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ. Посмотримъ въ чемъ заключался секретъ этой литературы. Дальнѣйшая ея исторія показала, что одной искренности, одного отвращенія къ праздному любопытству недостаточно еще для того, чтобы попутнымъ образомъ получались замѣчательные художественные и научные результаты. Дѣйствительно, припомнимъ второй періодъ развитія честной и смѣлой литературы, періодъ Русскаго Слова. Всѣ мы помнимъ это время господства такъ-называемаго реализма, когда презрѣніе къ праздному любопытству достигло, повидимому, своего апогея. Но всѣ мы

знаемъ также, что ни одного сколько-нибудь виднаго научнаго или художественнаго продукта это время не дало, хотя въ литературѣ фигурировали, рядомъ съ бездарностями, и высоко талантливыя натуры, каковъ покойный Писаревъ. Я знаю, что у многихъ русскихъ критиковъ есть вполнѣ готовое объясненіе этого факта: литературу сгубила ея тенденціозность, ея неуваженіе къ наукѣ и искусству, какъ къ самостоятельнымъ жизненнымъ цѣлямъ. Съ тѣми изъ господъ критиковъ, раздѣляющихъ это мнѣніе, которые валятъ въ одну кучу Писарева и вышеупомянутаго предшественника г. Жуковскаго, Щедрина и г. А. Михайлова, Гл. Успенскаго и г. Бажина,—съ этими господами я разговаривать не буду. Критиковъ же, нѣсколько болѣе разборчивыхъ, я спрошу: почему тенденціозность не мѣшала первому періоду возрожденной литературы и мѣшала второму? Если мнѣ скажутъ, что во второмъ періодѣ литература впала въ крайности тенденціозности, то я попрошу отвѣтить мнѣ: вопервыхъ, почему это случилось? вовторыхъ, гдѣ лежитъ граница между мѣшающею и не мѣшающею тенденціозностью?

Разъ я задаю эти вопросы, значитъ я имѣю на нихъ отвѣты, и я предложу ихъ вниманію читателей. Литература перваго періода дѣлала общенародное русское дѣло, ближайшія ступени котораго были всѣмъ ясны до мельчайшихъ подробностей. Задача жизни состояла въ возстановленіи справедливости, въ теченіи вѣковъ правомѣрно нарушавшейся въ отношеніи къ милліонамъ русскаго народа. Литература взяла на себя обязанность быть органомъ возмущенной общественной совѣсти и всѣ сферы науки, всѣ формы искусства пускала въ ходъ въ видѣ средствъ для достиженія своей цѣли. Наслажденія собственно знаніемъ и художественнымъ творчествомъ и созерцаніемъ играли для нея подчиненную роль, и тѣмъ не менѣе наука и искусство отъ этого не страдали. Зависѣло это именно отъ того, что литература дѣлала дѣло не кружка, не группы, не сословія, а дѣло всего народа. Въ этомъ значеніи народнаго дѣла нѣтъ ничего мистическаго. Ниже мы увидимъ въ чемъ тутъ дѣло, а пока замѣтимъ просто, что чѣмъ шире поле вашихъ наблюденій, тѣмъ вы ближе къ истинѣ; чѣмъ шире поле вашего сочувствія, тѣмъ вы ближе къ справедливости. Поэтому беллетристъ, публицистъ, ученый, принимающій въ соображеніе фактическое положеніе народа и служащій интересамъ народа, будетъ, при равенствѣ другихъ условій, непремѣнно выше писателя, преслѣдующаго хотя бы самыя возвышенныя цѣли кружка хотя бы самыхъ благородныхъ людей. Онъ будетъ выше въ качествѣ служителя истины и справедливости; для него, опять-таки, разумѣется при равенствѣ другихъ условій, вѣроятнѣе созданіе высокохудожественныхъ произведеній и добыча строго научныхъ истинъ. И пониженіе уровня литературы въ періодъ Русскаго Слова объясняется для меня не тенденціозностью ея, а направленіемъ ея тенденціозности. Дѣло этой литературы вовсе не было

народнымъ дѣломъ. Это было дѣло «мыслящаго пролетаріата», дѣло молодыхъ образованныхъ русскихъ людей обоего пола. Дѣло это было въ принципѣ совершенно законное и полезное. Отряхнувъ отъ ногъ своихъ прахъ крѣпостничества, образованные русскіе люди, главнымъ образомъ, конечно, молодые, естественно должны были пожелать выработать себѣ правила личнаго поведенія. И вотъ мы видимъ цѣлую вереницу романовъ и повѣстей, переполненныхъ образами молодыхъ людей, стремящихся къ личной чистотѣ. Литературная критика провѣряла эти образы, сравнивала ихъ, спорила объ томъ какой изъ литературныхъ типовъ можетъ и долженъ быть образцомъ поведенія, или объ томъ, кто выше по степени личной чистоты: Рудинъ ли, или Лаврецкій, Базаровъ, Круциферскій, Печоринъ, Рахметовъ. Характеръ образа мыслей и дѣйствій, предписываемаго этою литературой, вполнѣ опредѣлялся требованіями времени. Онъ долженъ былъ замѣнить лживый, грязный и размалеванный, гнусный и ходульный образъ мыслей и дѣйствій, сложившійся подъ давленіемъ крѣпостничества. Требовалось свести ходульный идеализмъ на расчищенную землю, расчистить кучу позолоченнаго навоза, копившагося многіе и многіе годы. Сокращеніе всѣхъ статей общественнаго бюджета въ пользу личнаго совершенствованія «мыслящаго пролетаріата»,—таковъ былъ девизъ литературы. Имъ устранялась всякая роскошь, все безполезное и лживое. Пока рядомъ съ этимъ теченіемъ продолжало жить и дѣйствовать въ литературѣ общенародное дѣло, оно было явленіемъ и законнымъ, и весьма отраднымъ. Оно отвѣчало потребностямъ наиболѣе свѣжей, воспріимчивой части общества; оно было смѣло и честно; оно боролось съ праздным любопытствомъ. Поэтому оно должно было пользоваться и дѣйствительно пользовалось уваженіемъ общества. Но физіономія литературы приняла совершенно другой характеръ, когда силою внѣшнихъ обстоятельствъ и личныхъ вкусовъ литературныхъ дѣятелей, задача литературы спеціализировалась, когда въ ней не осталось ничего, кромѣ личнаго совершенствованія молодыхъ русскихъ людей обоего пола. Насколько эта тема велика и благодарна, когда она связана съ другими, болѣе широкими задачами, настолько же она плоска и неблагодарна, когда она поглощаетъ всѣ силы литературы. Мы очень быстро повыбросали за бортъ всякую ложь и ненужную роскошь жизни. Но за неимѣніемъ другихъ задачъ или за неумѣніемъ найти ихъ, мы все продолжали разработывать вопросъ: какъ мнѣ жить свято? мнѣ, т. е. мыслящему пролетаріату. Мы накладывали на себя все новыя и новыя эпитеміи, регламентировали каждый свой шагъ, но мы заботились при этомъ исключительно о себѣ. Основныя правила добропорядочнаго поведенія крайне немногосложны и тянуть эту канитель достаточно долго можно только вдаваясь все въ большія и большія подробности. Такъ и было. Я—тогда еще только мечтавшій о литературной дѣятельности

мальчикъ—живо помню эти безконечные словесные споры о томъ, какъ мнѣ жить свято. Я никогда не брошу въ нихъ словомъ упрека, потому что по собственному опыту знаю какъ много въ нихъ было искренности и душевности. Но при большей дозѣ хладнокровія легко было бы замѣтить, что этотъ путь ведетъ въ глухой переулокъ. Въ самомъ дѣлѣ, обработывая свой вопросъ до мельчайшихъ подробностей, мы выработали, наконецъ, два-три шаблона, по которымъ всякій, не имѣющій ни искры таланта или серьезной мысли, могъ состряпать романъ, повѣсть критическую статью. Но замѣчательныхъ художественныхъ и научныхъ результатовъ это направленіе дать не могло и дѣйствительно не дало; именно потому, что его дѣло было дѣломъ не народа, а секты, и притомъ секты, къ которой могли примкнуть представители только очень немногихъ слоевъ общества. Поле наблюденій и сочувствія этой литературы было слишкомъ узко, чтобы на немъ могло вырости что нибудь кромѣ личной морали. Я не хочу, разумѣется, сказать, чтобы эта литература не желала служить народу. Напротивъ, это служеніе несомнѣнно входило въ ея программу, и многіе изъ представителей этого направленія дорого поплатились за неумѣлыя попытки служенія народу. Но служеніе это представлялось только въ самыхъ общихъ очертаніяхъ распространенія просвѣщенія и благосостоянія. Между тѣмъ какъ въ то же время мы до мельчайшей подробности разбирали вопросъ объ томъ какъ долженъ жить «мыслящій пролетарій»: какъ онъ долженъ спать, одѣваться, относиться къ родителямъ, къ женѣ и проч., и проч., и проч. Стараясь, по возможности, упростить форму личной жизни «мыслящаго пролетарія», мы не замѣчали, что она становится въ такое противорѣчіе съ усложненіемъ формулы общественной жизни, которое отрѣзываетъ мыслящему пролетарію путь къ цѣлесообразной общественной дѣятельности, какъ бы ни были высоки его стремленія. Мы не замѣчали и того, что по мѣрѣ упрощенія жизненной формулы она становилась все искусственнѣе. Итакъ, не тенденціозность, не презрѣніе къ праздному любопытству было (и остается въ нѣкоторыхъ органахъ и по сю пору) больнымъ мѣстомъ этой литературы, а спеціальный характеръ ея тенденціозности.

Я совсѣмъ обойду ту инсинуаціонную, плоскую литературу, представителемъ которой можно признать хоть г. Стебницкаго, показавшаго въ своихъ «Соборянахъ», что для него не существуетъ предѣлъ «некуда». Я рекомендовалъ бы «Маляру» или «Будильнику» изобразить рядъ переходныхъ формъ отъ Базарова до героя «Саборанъ», Термосесова, который есть уже просто каторжникъ. Недурно было бы также изобразить градацію творцевъ этихъ формъ. Тогда можетъ быть оправдается теорія одного нѣмца, въ силу которой не человѣкъ произошелъ изъ низшихъ формъ, а напротивъ обезьяны и проч. произошли отъ человѣка. Я перехожу къ другимъ сторонамъ современной ли-

тературы, которыхъ, несмотря на ихъ непривлекательность, можно все-таки касаться безъ перчатокъ.

Несомнѣнно, что мы нынѣ возвратились къ уваженію науки и искусства, какъ самостоятельныхъ цѣлей жизни. Мы приносимъ обильныя жертвы на оба эти алтаря, мы еще больше говоримъ объ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, чтобы литература была особенно бѣдна дарованіями. Нѣтъ, таланты есть, есть даже весьма крупные. И тѣмъ не менѣе всѣ согласны въ томъ, что общій уровень литературы стоитъ весьма низко. Въ литературѣ нѣтъ не только живой общественной струны, но она не представляетъ почти ничего цѣннаго даже въ области чистой науки и чистаго искусства, за которыми она такъ усиленно ухаживаетъ. Тотъ самый г. Жуковскій, о заслугахъ котораго было говорено выше, нынѣ, обратившись къ вящшему служенію наукѣ, занимается просто фокусами. Новые научные дѣятели особенно азартные въ поклоненіи безстрастной, но мудрой Изидѣ, какъ, напримѣръ, г. Стронинъ, опять-таки занимаются фокусами. Объ искусствѣ и говорить нечего: старое старится, молодое не ростетъ, и все что есть дѣйствительно цѣннаго, дано не нашимъ временемъ. Естественно, что это явленіе интересуетъ многихъ, и всякій старается объяснить себѣ такъ или иначе фактъ оскудѣнія литературы. Представилъ и я читателю свое объясненіе и постараюсь его дополнить сегодня. Я представилъ также объясненіе г. Стронина, которое есть, впрочемъ, не объясненіе, а не совсѣмъ вѣрное описаніе. Нынѣ я могу занести въ свои замѣтки еще нѣсколько объясненій того же факта.

Недавно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано письмо г. де-Пуле, имѣющее въ виду разъясненіе причинъ оскудѣнія литературы. Разъясненіе это касается одной беллетристики и отличается замѣчательною, почти дѣтскою простотою. Г. де-Пуле начинаетъ съ заявленія, что фельетонистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», г. Z., обнаруживаетъ такую способность критической оцѣнки беллетристическихъ произведеній, такое эстетическое пониманіе, какое въ русской литературѣ «не часто встрѣчалось послѣ Бѣлинскаго». Я не совсѣмъ понимаю, что именно хотѣлъ сказать этими словами г. де-Пуле: то ли, что до Бѣлинскаго зеты встрѣчались часто или что другое,—но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи поднести читателю означенное сопоставленіе именъ въ видѣ сюрприза на новый годъ. Я готовъ признать мнѣніе г. де-Пуле «непреложнымъ положеніемъ», но съ прискорбіемъ ожидаю, что съ помощію божіей и логики г. Корша, изъ него произойдутъ «самыя странныя, самыя невѣроятныя заключенія». И дѣйствительно они происходятъ. Вся бѣда современной беллетристики обусловливается, по мнѣнію г. де-Пуле, во первыхъ ея тенденціозностью, а вовторыхъ тѣмъ, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ недостаточно обращается вниманіе на «технику» нашихъ круп-

ныхъ мастеровъ, каковы гг. Тургеневъ, Некрасовъ и проч. Это сама sancta simplicitas. Проще, невиннѣе, «святѣе» этого объясненія ничего нельзя придумать. Оно напоминаетъ остроумные отвѣты нянекъ на вопросы любопытныхъ ребятишекъ: откуда у ихъ маменьки берутся маленькія дѣти?—«Боженька присылаетъ». Я хотѣлъ было порыться въ старыхъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» временъ М. Н. Муравьева, редакторомъ которыхъ былъ г. де-Пуле. Мнѣ хотѣлось именно посмотрѣть, что можетъ быть сдѣлано при помощи голубиной чистоты принциповъ г. де-Пуле. Но я сказалъ себѣ: да идетъ г. де-Пуле въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и далѣе съ миромъ; да благословитъ его г. Коршъ, какъ благословилъ онъ недавно г. Стронина.

И г. Коршъ благословляетъ. Онъ присовокупляетъ въ примѣчаніи, что, будучи совершенно согласенъ съ г. де-Пуле относительно программъ среднихъ учебныхъ заведеній, онъ не можетъ не указать на другую причину оскудѣнія литературы вообще и беллетристики въ частности: гражданское и промышленное развитіе Россіи, желѣзныя дороги, прокуратура, адвокатура и проч.—поглотили всѣ видныя силы и мало оставили литературѣ. Это механическое объясненіе достойно философскихъ пріемовъ г. Корша вообще, но едва-ли онъ сумѣетъ поддержать его чѣмъ нибудь, кромѣ доводовъ «отъ разума». Фактическая несостоятельность его выйдетъ наружу тотчасъ-же, если вы припомните имена наиболѣе видныхъ нашихъ практическихъ дѣятелей. При этомъ окажется, что большинство ихъ никогда не были и не обѣщали быть замѣтными литературными дѣятелями. Съ другой стороны окажется что многіе писатели стали писателями, по крайней мѣрѣ замѣтными, только подъ вліяніемъ гражданскаго и промышленнаго развитія Россіи, какъ напримѣръ кн. Васильчиковъ и др. Да это, надѣюсь, понятно и отъ разума. Если разсуждать по логикѣ г. Корша, то окажется, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ нашего отечества литература будетъ все болѣе и болѣе обираема въ пользу другихъ общественныхъ функцій и наконецъ отъ нея останется одинъ голый скелетъ,—можетъ быть это будетъ г. Коршъ съ своими сотрудниками и съ своей страшной логикой. И такова будетъ литература въ высшій моментъ развитія нашего отечества. Спрашивается однако, почему такого обиранія не произошло въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда крестьянское дѣло и множество другихъ практическихъ сферъ потребовали массу силъ для своей эксплуатаціи, а между тѣмъ литература жила, какъ никогда ни до, ни послѣ того? Съ точки зрѣнія г. Корша это явленіе необъяснимо, между тѣмъ какъ оно совершенно естественно. Если и допустить, что какой нибудь десятокъ возможныхъ литературныхъ силъ поглощенъ практическою дѣятельностью, то онъ съ избыткомъ вознаграждается силами, приливающими именно вслѣд-

ствіе общаго развитія жизни. Такъ по крайней мѣрѣ должно быть. Но если этого и нѣтъ, если компенсація происходитъ въ слишкомъ скромныхъ размѣрахъ, то указаніе на этотъ фактъ все-таки отнюдь не можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ: почему скудѣетъ русская литература вообще и беллетристика въ частности? Вопросъ остается открытымъ и даже осложненнымъ. Во всѣхъ странахъ, во всѣхъ государствахъ, во всѣ времена шаги общества впередъ на поприщѣ политическаго, экономическаго и гражданскаго развитія вызывали расцвѣтъ литературы, что̀ совершенно естественно. У насъ этого нѣтъ. Почему? Мудрый Эдипъ (я разумѣю г. Корша)—разрѣши.

Во ожиданіи я позволю себѣ обратить вниманіе читателя на книжку, заслуживающую вниманія только по нѣкоторымъ косвеннымъ причинамъ. Въ газетахъ недавно печатались объявленія о «небываломъ» (sic) сборникѣ. Вотъ его полное заглавіе: «Разсвѣтъ. Сборникъ произведеній писателей-самоучекъ (нигдѣ не бывшихъ въ печати)». Въ предисловіи говорится: «Изданіе Разсвѣта, сборника писателей-самоучекъ, возникло изъ желанія познакомить читающую публику съ произведеніями современныхъ нашихъ писателей-самоучекъ, не получавшихъ научнымъ путемъ ни образованія, ни воспитанія, но саморазвившихся, самовоспитавшихся. Сборникъ нашъ не есть какая либо претензія на литературное его значеніе. Единственная его цѣль—показать читающей публикѣ, какъ нашъ народъ, безъ всякихъ насилій, самъ собою въ настоящее время развивается и какъ сочувствуетъ грамотности и какъ любитъ литературу». Я съ большимъ вниманіемъ перечиталъ сборникъ. При нынѣшнемъ безлюдьи поневолѣ съ особеннымъ интересомъ слѣдишь за вновь прибывающими въ литературу силами, а здѣсь ихъ представляется разомъ человѣкъ пятнадцать. Но я не помню, чтобы за послѣднее время какое нибудь чтеніе оставляло во мнѣ болѣе грустное впечатлѣніе. Не въ томъ, конечно, дѣло, что большинство произведеній сотрудниковъ «Разсвѣта» страдаютъ по части стихосложенія, а иногда и по части грамотности. Не въ томъ также, что буквально всѣ они свидѣтельствуютъ о слишкомъ уже пристальномъ изученіи «техники» Некрасова, Шевченки, Кольцова, Гл. Успенскаго. Дѣло въ цѣляхъ сборника. Сотрудники Разсвѣта рекомендуются людьми изъ народа. Надо думать, они большею частью изъ мѣщанъ и купеческихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ они по рожденію и условіямъ быта стоятъ довольно близко къ массѣ народа. Но они не только грамотны, а и не лишены нѣкоторыхъ знаній и развитія. Обстоятельства эти даютъ имъ право на своеобразное, почетное и полезное положеніе въ литературѣ. Одно изъ двухъ: или они могли бы, зная бытъ крестьянъ и умѣя съ ними говорить, поставить себѣ задачей литературу для народа; или они могли бы представить образованнымъ классамъ картины изъ жизни народа, передать чувства и воззрѣнія народа. Къ

сожалѣнію, сотрудники Разсвѣта не выбрали ни того, ни другаго, а пожелали просто пофигурировать въ литературѣ или, какъ они сами выражаются, «показать читающей публикѣ, какъ нашъ народъ, безъ всякихъ насилій, самъ собою, въ настоящее время развивается» и проч. Вслѣдствіе этого, вмѣсто всего того, чего мы вправѣ были бы ожидать отъ сотрудниковъ Разсвѣта, получился сборникъ бездарныхъ стихотвореній и разсказовъ, буквально никому и ни на что не нужныхъ. Вотъ, напримѣръ, стихотворенія г. Новоселова.

Пройдетъ и ночь, пройдетъ и день,
Пройдутъ недѣли и года,
Какъ полемъ облачная тѣнь;
Пройдутъ и пятъ отъ нихъ слѣда.
Пройдетъ и жизнь, исчезнешь ты,
Исчезнутъ всѣ твои мечты.
И для чего, Богъ вѣсть, ты жилъ
И ненавидѣлъ и любилъ.
И тайна вѣчная Творца
Все будетъ тайной безъ конца.

Изъ этого стихотворенія видно, что г. Новоселову приходятъ иногда въ голову мысли о тщетѣ всего земнаго, мысли, довольно часто посѣщающія поэтовъ вообще. Но въ немъ не видно ничего характернаго, ничего такого, что свидѣтельствовало бы о развитіи «нашего народа». Или вотъ отрывокъ изъ стихотворенія г. Жарова «На кладбищѣ». Поэтъ останавливается передъ одной могилой.

Я изъ прошлаго сталъ вспоминать
Погребеннаго вѣсъ и значенье;
И не могъ совершенно понять
Почему сталъ онъ жертвой забвенья.
Онъ приличный имѣлъ капиталъ,
Всѣ знакомствомъ его дорожили,
Изъ тщеславья онъ денегъ давалъ,
Но ему ихъ назадъ не платили.
Каждый другъ къ нему въ домъ пріѣзжалъ
Аккуратно къ началу обѣда,
Онъ равно всѣхъ къ себѣ принималъ
Оппозиц, глупца, дармоѣда.

Наконецъ друзья довели обладателя приличнаго капитала до нищеты и онъ умеръ, оставленный неблагодарными прихлебателями. Поэтъ заключаетъ:

Вотъ что значитъ убить капиталъ
Для пустаго и глупаго дѣла!

Я привожу только образцы, вовсе не думая «критиковать» ихъ форму и даже мораль. Это было бы неумѣстно относительно сотрудниковъ Разсвѣта, хотя нѣкоторые изъ нихъ ухитряются говорить стихами о «собственномъ я». Но я спрашиваю: неужели «саморазвившимся и самовоспитавшимся» пред-

ставителямъ русскаго народа нечего сказать образованнымъ классамъ, кромѣ этихъ плоскостей и общихъ мѣстъ? Это было бы чрезвычайно грустно, если бы было вѣроятно.

Я искренно желалъ бы убѣдить этихъ писателей, чтобы во второмъ выпускѣ сборника (предполагаемаго къ изданію въ нынѣшнемъ году) они бросили безцѣльную выставку своихъ глубокихъ думъ, своего благоразумія, своихъ высокихъ чувствъ. Все это давнымъ давно воспѣто, изложено и теперь воспѣвается и излагается, и притомъ гораздо благообразнѣе, обыкновенными сочинителями, изъ которыхъ нѣкоторые видѣли «народъ» только въ Парголовѣ и другихъ пріютахъ петербургскихъ дачниковъ. Но произведенія сотрудниковъ «Разсвѣта» далеко отстаютъ отъ другихъ произведеній на тѣ-же темы не только въ формѣ. Въ нихъ нѣтъ даже того теплаго, сочувственнаго, любовнаго отношенія къ народу, котораго мы разумѣется могли бы ждать отъ нихъ и которое такъ краситъ произведенія нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Г. Григорьевъ напечаталъ въ сборникѣ легенду о «лихоманкѣ» въ видѣ разсказа ямщика и заключаетъ такъ: «Очень жаль, что подобнымъ нелѣпостямъ неразвитой народъ несомнѣнно вѣритъ и вы его ничѣмъ не разубѣдите, что этого не можетъ быть, что этого не существовало и не существуетъ; хотя бы вы доказывали ему и фактами—не повѣритъ; какъ не повѣритъ и тому, что основано на законахъ природы, физики, механики и т. д.» Затѣмъ г. Григорьевъ сообщаетъ какъ тотъ-же ямщикъ не повѣрилъ его, г. Григорьева, объясненію дѣйствія телеграфа и рѣшилъ, что здѣсь дѣйствуетъ («дѣвствуетъ») нечистая сила. Г. Григорьевъ опять заключаетъ: «Отчего это такъ? Прежде всего отъ суевѣрія, поселеннаго въ насъ съ дѣтства, съ колыбели разными сказками, разсказами нашихъ нянюшекъ, бабушекъ о чертяхъ, домовыхъ и колдунахъ, а затѣмъ отъ простодушія и безграмотности русскаго народа».—Я преклоняюсь передъ здравымъ смысломъ и образованностью г. Григорьева, но не вижу вмѣстѣ съ тѣмъ въ его рѣчахъ ничего, кромѣ плоскаго резонерства. Читающей публикѣ совершенно незачѣмъ выслушивать отъ г. Григорьева то, что извѣстно каждому гимназисту. Или вотъ, напримѣръ, г. Деруновъ, напечатавъ три «этнографическихъ очерка» въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» о «поэтическихъ и суевѣрныхъ возврѣніяхъ народа въ Пошехонскомъ уѣздѣ», четвертый печатаетъ въ «Разсвѣтѣ». Прекрасная тема, въ особенности когда за нее берется человѣкъ, самъ вышедшій изъ народа. И дѣйствительно свѣдѣнія, сообщаемыя г. Деруновымъ не безъинтересны. Но, къ сожалѣнію, приплетенныя собирателемъ собственныя размышленія сильно отдаютъ писаремъ, хватившимъ цивилизаціи. Напримѣръ: «Нѣкоторыя изъ прописанныхъ ниже суевѣрныхъ гаданій и примѣтъ имѣютъ смыслъ, мѣткость выраженій, поэтическую фантазію изъ міросозерцанія, а нѣкоторыя не только

не носятъ никакихъ вѣрованій, но даже лишени всякаго понимания до безсмысленности.... Много слышетъ между грамотѣями о чудодѣйственной силѣ псалмовъ. И дѣйствительно Псалтырь высоко стоитъ не въ одномъ литературномъ отношеніи. Она можетъ быть прекраснымъ руководителемъ во всякой жизни и болѣе ничего. Откуда же нашъ народъ почерпнулъ какую-то особенную чудодѣйственную силу Псалтыри»?—Все это писарское краснорѣчіе просто гадко въ виду того, чѣмъ могъ бы быть «Разсвѣтъ». И я опять таки спрашиваю: неужели русскому народу нечего сказать, кромѣ этой размазни и щеголянья цивилизаціей г. Дерунова?

Во всякомъ случаѣ сотрудники «Разсвѣта» отличаются отъ всей массы современныхъ писателей только нѣкоторыми отрицательными качествами. И затѣмъ сборникъ ихъ произведеній представляетъ нѣкоторый микрокосмъ современной литературы. Возьмемъ же его такъ, какъ онъ есть, и попробуемъ приложить къ нему точки зрѣнія г.г. Эдипа де-Пуле, Эдипа Корша и другихъ Эдиповъ. Предположимъ, въ утѣшеніе Эдипа Корша, что эта группа писателей не увлечется практическою дѣятельностью и всѣ силы свои посвятитъ литературѣ. Предположимъ, въ утѣшеніе Эдипа де-Пуле, что беллетристы эти будутъ самымъ тщательнымъ образомъ изучать технику Некрасова, Тургенева, Гончарова и проч.; предположимъ также, что они отбросятъ всякую тенденціозность. Предположимъ наконецъ, въ утѣшеніе нѣкоторыхъ другихъ Эдиповъ, что писатели эти будутъ самымъ пристальнымъ образомъ учиться вообще и, напримѣръ, естественнымъ наукамъ въ частности. Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: практическая дѣятельность сотрудниковъ «Разсвѣта» очевидно не мѣшаетъ имъ сочинять и любить литературу; технику если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ Эдипомъ де-Пуле писателей, они уже и теперь старательно изучаютъ; тенденціозность и теперь у нихъ играетъ предпослѣднюю роль; къ естественнымъ наукамъ и къ ученію вообще они и теперь очень склонны. Прибавимъ, что нѣкоторые изъ сотрудниковъ «Разсвѣта» имѣютъ кое-какое дарованіе, хоть его и трудно усмотрѣть подъ избраннымъ ими костюмомъ. Но положимъ, что дарованій здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ дѣйствительности. Что же получится въ результатѣ прочнаго прилива этихъ новыхъ силъ въ литературу? Я отвѣчаю: ничего. Число сотрудниковъ въ журналахъ и газетахъ, конечно, увеличится, увеличится даже можетъ быть число самихъ журналовъ, но физіономія литературы не потеритъ ни малѣйшаго измѣненія. Изъ г. Дерунова можетъ выдти новый г. Стронинъ, который напишетъ новую «Политику, какъ науку» или даже что-нибудь получше; г. Новоселовъ сравняется съ г. Праховымъ или даже превзойдетъ и его, и другихъ поэтовъ, произведенія которыхъ сотнями печатаются въ толстыхъ журналахъ; г.г. Суриковъ и Разворенова выработ-

таютъ себѣ для переложенія былинъ стихъ, не уступающій стиху г. Буренина; г. Григорьевъ будетъ научнымъ образомъ преслѣдовать народные предразсудки и т. д. Но, кромѣ этихъ чисто количественныхъ измѣненій въ составѣ литературы, не предвидится ничего новаго. Мало того, я утверждаю, что явись въ литературѣ десятки крупныхъ талантовъ, первоклассныхъ мастеровъ техники и ученѣйшихъ людей, — они не измѣнятъ положенія вещей, если принесутъ съ собой только таланты, технику и знанія. Я утверждаю, что пока литература не станетъ голосомъ общественной совѣсти въ самомъ широкомъ смыслѣ, пока она не сдѣлаетъ интересовъ народа центромъ своихъ изслѣдованій, помысловъ и образовъ, ей не помогутъ никакіе таланты и никакія знанія, а о панацеяхъ Эдипа де-Пуле и Эдипа Корша и говорить нечего. До тѣхъ поръ она будетъ производить въ самомъ благопріятномъ случаѣ только красивыя игрушки. Я не знаю сумѣю ли я доказать эту мысль и въ особенности въ литературныхъ замѣткахъ. Но я отъ души желаю быть краткимъ и яснымъ. Зерно вопроса до послѣдней степени просто, но, чтобы добраться до него, надо снять нѣсколько слоевъ наросшей на него шелухи.

Я уже какъ то говорилъ, что народъ, какъ онъ фигурируетъ въ большинствѣ случаевъ въ литературѣ, лучше всего опредѣленъ Базаровымъ: это таинственный незнакомецъ романовъ г-жи Рэтклифъ. Въ немъ подозрѣваютъ то ту, то другую личность, но постоянно сбиваются въ своихъ рѣшеніяхъ, и онъ такъ и остается до конца романа таинственнымъ незнакомцемъ. О силѣ этой таинственности всякій можетъ судить по нѣкоторымъ, самымъ обыденнымъ явленіямъ. Напримѣръ, всякому вѣроятно случалось слышать такую фразу: такой-то, скажетъ г. Губонинъ или кто другой, вышелъ изъ народа. Говорящій это обыкновенно нѣсколько умиляется и видитъ въ своихъ словахъ нѣкоторую рекомендацію г. Губонину. Если онъ станетъ анализировать свое умиленіе, то увидитъ, что его вопервыхъ радуетъ фактъ удачи г. Губонина, пробившагося откуда-то снизу куда-то на верхъ; вовторыхъ, мысль, что г. Губонинъ будетъ добросовѣстнѣе, любовнѣе, вообще лучше, чѣмъ кто либо другой, относиться къ той средѣ, изъ которой онъ вышелъ. Наконецъ, если г. Губонину пришлось конкурировать съ какимъ-нибудь инородцемъ или иностранцемъ и остаться побѣдителемъ, то въ составъ умиленія войдетъ патріотическій, національный элементъ: представитель русскаго народа побѣдилъ представителя другого народа. Кажется, это довольно вѣрное и полное описаніе чувствъ человѣка, говорящаго: г. Губонинъ вышелъ изъ народа. Едва ли однако говорящій это приготовленъ къ отвѣтамъ на слѣдующіе вопросы: куда вышелъ г. Губонинъ изъ народа? если слово «народъ» есть такое умилительное слово, то слѣдуетъ ли радоваться тому, что г. Губонинъ вышелъ куда-то изъ народа? вышелъ ли куда-нибудь изъ наро-

да г. Губонинъ, если мы видимъ въ немъ представителя русскаго народа, побѣдившаго представителя другого народа? если г. Губонинъ вышелъ куда-то изъ народа, сталъ ему чужимъ, то на чемъ основано мнѣніе, что онъ будетъ лучше относиться къ народу, чѣмъ, напримѣръ, русскій винодѣлъ графъ Воронцовъ или русскій сахарный заводчикъ графъ Бобринскій? Намъ скажутъ, что наши вопросы суть простая игра словъ, что мы беремъ народъ то въ смыслѣ трудящихся классовъ общества, то въ смыслѣ племени, націи. Положимъ, но замѣтимъ, что таинственному незнакомцу всегда приходится выходить на сцену подъ музыку игры словъ. Въ этомъ именно и состоитъ его роль, его миссія. Оставимъ однако это пока и повторимъ только два первыхъ вопроса: куда вышелъ изъ народа г. Губонинъ? слѣдуетъ ли радоваться тому, что г. Губонинъ куда-то вышелъ изъ народа? Здѣсь уже нѣтъ никакой игры словъ и подъ народомъ разумѣется только совокупность трудящихся классовъ. Замѣтимъ, что слова: г. Губонинъ вышелъ изъ народа—не простая метафора. Г. Губонинъ, положимъ, сохранилъ всѣ національныя особенности—костюмъ, вѣрованія и проч.,—но все-таки онъ теперь уже не тотъ, у него совершенно другая дѣятельность, совершенно другіе интересы. Пока г. Губонинъ не выходилъ изъ народа, прямой интересъ его состоялъ въ томъ, чтобы трудъ оплачивался дорого; теперь, когда онъ вышелъ изъ народа, такой же прямой интересъ его состоитъ въ томъ, чтобы трудъ оплачивался дешево. Въ виду этого нѣкоторые изъ умиленныхъ можетъ быть призадумаются надъ вопросами: куда вышелъ г. Губонинъ и хорошо ли, что онъ вышелъ? Можетъ быть даже нѣкоторые прямо скажутъ: не хорошо. Тогда мы спросимъ: хорошо ли, что Шевченко вышелъ изъ народа? Всякій, я думаю, отвѣтитъ утвердительно, но опять-таки скажетъ намъ, что мы занимаемся игрою словъ; что Шевченко вышелъ изъ народа совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вышелъ г. Губонинъ; что Шевченко вышелъ, какъ онъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи, «изъ темной и безгласной толпы простолюдиновъ», но что никогда интересы его не сталкивались враждебно съ интересами народа въ смыслѣ трудящихся классовъ; что самъ онъ вѣкъ свой работалъ, руководимый глубокимъ сочувствіемъ къ народу. Со всѣмъ этимъ намъ придется согласиться и только повторить въ свое оправданіе, что таинственный незнакомецъ весь построенъ на игрѣ словъ. Совсѣмъ опять-таки иной отвѣтъ получится, если мы спросимъ себя — хорошо ли, что г.г. Деруновъ, Григорьевъ, Разворенов и прочіе сотрудники «Разсвѣта» вышли изъ народа.

Мы взяли ходячую фразу «вышелъ изъ народа», какъ первый попавшійся подъ руку образчикъ. Но читателю стоитъ только чуть-чуть повнимательнѣе осмотрѣться, чтобы найти множество такихъ примѣровъ. Возьмите, напримѣръ, объявленіе вновь открытаго французскаго ресторана «Эрмитажъ», въ ко-

торомъ (объявленіи), въ числѣ прочихъ приманокъ для публики, значится: «прислуга въ національныхъ русскихъ костюмахъ». Поставьте вопросъ: почему для публики заманчивъ половой въ русскомъ національномъ костюмѣ?—и при помощи самыхъ несложныхъ соображеній вы убѣдитесь, что народъ есть дѣйствительно таинственный незнакомецъ; что, благодаря этой таинственности, на незнакомца валится, подъ видомъ участія, любви, заботливости, умиленія, цѣлая куча обидъ и бѣдъ, оскорбленій и гнета.

Прежде всего надобно опредѣлить взаимныя отношенія двухъ наиболѣе ясныхъ понятій о народѣ: народъ, какъ нація, и народъ, какъ совокупность трудящихся классовъ общества. Съ перваго взгляда кажется, что эти понятія совпадаютъ и что если различеніе ихъ важно, то только въ томъ отношеніи, что понятіе націи, совмѣщающей въ себѣ всѣ классы общества, шире понятія народа, который есть только сумма извѣстныхъ классовъ. Но это далеко не вѣрно. Что понятія націи и народа въ своемъ практическомъ выраженіи иногда дѣйствительно совпадаютъ, т.-е. что національное дѣло бываетъ иногда тождественно съ народнымъ дѣломъ,—это такъ. Но это бываетъ только иногда. Что же касается до сравнительной широты понятія націи, то это просто оптическій обманъ.

Я предлагаю читателю познакомиться съ недавно вышедшей очень интересной книжкой Тренча «Очерки ирландской жизни». Книга эта, переведенная и изданная порусски крайне небрежно, представляетъ рядъ талантливо написанныхъ картинъ изъ быта ирландскихъ крестьянъ. Авторъ, управляющій или агентъ крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, сообщаетъ свои наблюденія и впечатлѣнія въ видѣ записокъ или воспоминаній. Читатель увидитъ изъ этой книжки, между прочимъ, что̀ значитъ безземельный земледѣлецъ. Это небезъинтересно не только само по себѣ, а и по отношенію къ намъ, жителямъ страны земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ. Въ книгѣ Тренча есть разсказы изъ школьной жизни, разсказы о «ревайвеляхъ» (судорожныя возбужденія религіознаго чувства въ массахъ) и проч. Но интереснѣе всего главная часть книги—эпизоды изъ исторіи войны ирландскихъ крестьянъ-фермеровъ съ англійскими лендлордами за землю. Война эта представляетъ любопытный случай совпаденія народнаго дѣла съ національнымъ. Поземельная собственность въ Ирландіи находится, какъ извѣстно, въ рукахъ немногочисленныхъ богачей, лендлордовъ, главнымъ образомъ саксонскаго и англійскаго происхожденія. Ирландскіе крестьяне арендуютъ у нихъ землю небольшими участками, причемъ лендлорды естественно стараются повысить арендную плату и заключать контракты на возможно короткое время. Ирландцы не могутъ забыть, что обработываемая ими земля нѣкогда принадлежала имъ и всячески уклоняются отъ платежей, доходя даже до полнаго и открытаго отказа, до формальнаго

объявленія войны иногда въ одиночку, иногда обществомъ. Во время, къ которому относятся разсказы Тренча, въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ Ирландіи существовало тайное общество «риббонъ-меновъ», періодически то затихавшее, то поднимавшееся. Цѣли общества достаточно опредѣляются слѣдующими словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ разсказовъ Тренча: «Землю намъ нужно, землю. Саксонскіе грабители отняли ее у нашихъ праотцевъ, и я о пять говорю, мы вырвемъ ее у нихъ съ кровью ихъ сердца. Долой церковь, долой лендлордовъ, долой агентовъ, долой все, что стоитъ между нами и нашей зеленой землей». Это было время апогея такъ-называемыхъ аграрныхъ преступленій. Риббонъ-мены совершили цѣлый рядъ страшныхъ и часто совершенно безцѣльныхъ убійствъ.

Здѣсь мы имѣемъ полное совпаденіе народнаго дѣла съ національнымъ: рабочіе ирландцы ведутъ войну съ лордами англичанами. Однако это совпаденіе было не для всѣхъ полно. Невѣста одного риббонъ-мена разсказываетъ Тренчу: «Они (риббонъ-мены) увѣрены, что англичане не имѣютъ права на землю и они надѣются снова вернуть ее, если они смогутъ запутать васъ и такихъ людей, какъ вы, и заставить бѣжать изъ Ирландіи; для этого они хотятъ убивать всѣхъ, кто станетъ держать здѣсь землю, кромѣ *стараго рода*». Въ объясненіе подчеркнутаго выраженія, Тренчъ замѣчаетъ: «Многіе риббонъ-мены убѣждены, что земляки Ирландіи должны владѣть старинные ирландскіе роды вмѣсто англійскихъ. Старинная ирландская аристократія ведетъ агитацію въ этомъ смыслѣ и эксплуатируетъ въ свою пользу старинное чувство клановъ, сказавшееся въ этомъ убѣжденіи» (274). Итакъ, одна часть риббонъ-меновъ смотритъ или смотрѣла на свое дѣло, какъ на преимущественно народное, другая—какъ на преимущественно національное. Которая изъ этихъ точекъ зрѣнія шире, обнимаетъ большую массу интересовъ? Казалось бы въ понятіе націи входитъ все общество, а въ понятіе народа только часть его, а между тѣмъ ясно, что риббонъ-мены націоналы вытащили бы изъ печки каштаны только для меньшинства, тогда какъ другая ихъ отрасль работала на большинство ирландскаго народа. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего исключительнаго. Въ немъ выражается одинъ изъ самыхъ важныхъ и общихъ соціологическихъ законовъ. Еслибы я придерживался аналогическаго метода въ соціологіи, мнѣ бы ничего не стоило подыскать соотвѣтственную аналогію и въ нѣсколькихъ строкахъ доказать существованіе этого закона. Но я глубоко презираю аналогическое паясничество, а дѣйствительно научное и философское подтвержденіе закона потребовало бы слишкомъ много мѣста и времени и отвлекло бы вниманіе читателя въ сторону. Поэтому я предпочитаю просто формулировать законъ, расчитывая, что этимъ я только подвожу итогъ собственнымъ наблюденіямъ и размышленіямъ читателей. Я заимствую однако для краткости

одинъ изъ терминовъ аналогистовъ. Вотъ этотъ очень простой, но очень важный законъ: въ обществѣ, имѣющемъ пирамидальное устройство, всевозможныя улучшенія, если они направлены не непосредственно ко благу трудящихся классовъ, а ко благу цѣлаго, ведутъ исключительно къ усиленію верхнихъ слоевъ пирамиды. Законъ этотъ до такой степени простъ, въ жизни его дѣйствіе выражается въ той или другой формѣ такъ часто, о различныхъ частныхъ его проявленіяхъ говорено было такъ много, что мы дѣйствительно имѣемъ право представить его читателю въ качествѣ итога его собственныхъ наблюденій и размышленій. Что касается литературы, то она не только не можетъ избѣжать дѣйствія этого закона, но на ней легче, чѣмъ гдѣ-нибудь, видѣть его вліяніе; тѣмъ болѣе, что говорить о литературѣ значитъ говорить обо всемъ, объ чемъ говоритъ литература, т.-е. о всѣхъ явленіяхъ жизни.

Представимъ себѣ, что ирландскіе публицисты, проникнутые уваженіемъ къ непреложности математической истины: цѣлое больше части,—стали бы работать въ духѣ вышеупомянутыхъ риббонъ-меновъ національовъ. Они могли бы сказать много весьма хорошаго, дѣльнаго, блестящаго въ пользу идей свободы и національности. Но такъ-какъ они направили бы свои усилія ко благу цѣлаго — ирландской націи, а не трудящихся классовъ націи, то дѣятельность ихъ, въ случаѣ успѣха, повела бы только къ удовлетворенію аппетитовъ ирландской аристократіи. На оборотъ, ирландскіе публицисты, которые развивали бы программу другой фракціи риббонъ-меновъ и, выработавъ разумный планъ дѣйствій въ этомъ смыслѣ, достигли бы перехода земель изъ рукъ англійскихъ лендлордовъ въ руки ихъ теперешнихъ фермеровъ,—эти публицисты очевидно получили бы попутно и разрѣшеніе національнаго вопроса.

Представимъ себѣ... Но чѣмъ представлять себѣ, возьмемъ нѣчто изъ дѣйствительности. Возьмемъ ретроспективные взгляды нѣкоторыхъ газетъ на истекшій годъ въ промышленномъ отношеніи. Такой ретроспективный взглядъ помѣщенъ, напримѣръ, въ № 1 «Гражданина». Въ немъ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія указанія: частная промышленность въ прошломъ году все возрастала; возникло до 80 торгово-промышленныхъ обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя простираютъ свои виды на цѣлые округи Россіи, напримѣръ общество южно-русской каменно-угольной промышленности или каменно-угольной промышленности московскаго бассейна; для облегченія соединенія силъ и капиталовъ выработанъ проектъ новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ, которымъ предполагается отмѣнить требованіе особаго правительственнаго разрѣшенія для каждой акціонерной компаніи и замѣнить этотъ порядокъ системой простаго нотаріальнаго разрѣшенія; въ прошломъ году въ Россіи дѣйствовало 27 акціонерныхъ коммерческихъ банковъ, 23 общества взаимнаго кредита, и т. д. Если мы обра-

тимся къ № 3 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», то найдемъ въ немъ, между прочимъ, слѣдующее: «Кредитъ сдѣлалъ въ Россіи въ 1872 году большіе успѣхи. Духъ спекуляціи, проникшій и въ эту область, выдвинулъ устройство кредитныхъ учрежденій въ разрядъ выгоднѣйшихъ предпріятій, затмившихъ пресловутыя желѣзно-дорожныя концессіи. Кромѣ образованія новыхъ кредитныхъ учрежденій, бо́льшая часть старыхъ банковъ также увеличила весьма значительно свой основной капиталъ и расширила операціи... Правительство, по примѣру всѣхъ государствъ западной Европы, рѣшилось наконецъ отказаться отъ устарѣлой системы законодательнаго разсмотрѣнія уставовъ новыхъ акціонерныхъ обществъ и хочетъ замѣнить ее болѣе скорой системой нотаріальнаго разрѣшенія. Составленный сообразно съ этою цѣлью проектъ новаго положенія объ акціонерныхъ компаніяхъ не окончательно еще обработанъ министерствомъ финансовъ; но можно заранѣе предсказать, что изданіемъ его, если только въ положеніе не будутъ введены многочисленныя изъятія, сильно поднимется у насъ духъ промышленной ассоціаціи... Положеніе фабричной и заводской промышленности въ Россіи теперь весьма благопріятно. Даже горное дѣло, бывшее пятнадцать лѣтъ въ сильномъ застоѣ, начинаетъ оживать. Въ теченіе 1872 г. обсуждался вопросъ о дальнѣйшемъ покровительствѣ свеклосахарной промышленности и разрѣшенъ въ смыслѣ, успокоительномъ для отечественной промышленности» и проч. Пожалуй этого и довольно.

Всѣмъ этимъ шагамъ по пути экономическаго прогресса наши публицисты вообще радуются и хотя и не особенно энергично, но все-таки провоцируютъ и дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи. Конечно, протекціонизмомъ, напримѣръ, у насъ увлекаются не многіе; огражденія акціонеровъ отъ эксплуатаціи спекулянтовъ желаютъ очень многіе; закономъ 31-го мая, въ силу котораго учрежденіе новыхъ акціонерныхъ банковъ въ городахъ, гдѣ уже существуетъ хотя одинъ такой банкъ, воспрещается впредь до новаго распоряженія, — одни довольны, другіе недовольны; частности проэкта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ различными органами обсуждаются различно и т. д. Но вся наша публицистика стоитъ на одной и той же общей точкѣ зрѣнія. Вотъ хоть бы, напримѣръ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Гражданинъ». Казалось бы, это два противоположные полюсы петербургской журналистики. Первыя блестятъ своимъ либерализмомъ, второй требуетъ какой-то точки къ реформамъ. Другъ друга они глубоко презираютъ, постоянно объ чемъ-то препираются, все другъ надъ другомъ насмѣхаются. Между тѣмъ, по множеству вопросовъ внутренней политики, эти два органа могутъ быть весьма удобно подведены къ одному знаменателю. Оба они понимаютъ народъ исключительно въ смыслѣ націи и, въ силу этого, безъ дальнихъ размышленій, требуютъ развитія кредита въ Россіи, радуются умноженію

акціонерныхъ обществъ въ нашемъ отечествѣ, съ торжествомъ указываютъ на развитіе отечественной промышленности и т. д. Кредитъ, промышленность, эксплуатація природныхъ силъ страны,—все это вещи сами по себѣ прекрасныя, по поводу которыхъ можно бы было говорить и больше и лучше, чѣмъ говорятъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Гражданинъ». Въ своихъ передовыхъ статьяхъ, органы эти не исчерпываютъ и сотой доли величія и мощи всѣхъ этихъ помощниковъ человѣка, имъ самимъ создаваемыхъ. Но тѣмъ не менѣе, въ силу вышеприведеннаго соціологическаго закона, всѣ эти прекраснѣйшія сами по себѣ вещи, если онѣ направлены не ко благу непосредственно трудящихся классовъ, а ко благу пирамидальнаго цѣлаго, даютъ прискорбнѣйшіе результаты. Мы вовсе не претендуемъ на новость и оригинальность взглядовъ. Утверждая, что кредитъ, машины, эксплуатація силъ природы и т. д., будучи направлены ко благу пирамидальнаго цѣлаго, ложатся тяжелымъ гнетомъ на народъ, утверждая это, мы увѣрены, что все это очень хорошо извѣстно и читателю, и «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», и «Гражданину». Въ самомъ дѣлѣ, кому же неизвѣстно, что всякая новая машина, введенная въ пирамидальное общество, прежде всего уменьшаетъ спросъ на человѣческій трудъ, отнимаетъ у извѣстнаго числа людей заработокъ. Правда, нѣкоторые оптимисты стараются утѣшить и себя и другихъ тѣмъ, что при этомъ производство ростетъ, ростетъ и потребленіе. Но этому никто не вѣритъ, то-есть никто не вѣритъ тону, съ которымъ это говорится. Конечно, и производство и потребленіе ростетъ, но какъ бы мы далеко ни смотрѣли въ будущее, а машина въ пирамидальномъ обществѣ будетъ всегда отнимать заработокъ у извѣстнаго числа людей. Въ этомъ очевидно состоитъ ея роль. Самъ Милль, человѣкъ и авторитетный и благонамѣренный, пришелъ къ тому заключенію, что всѣ наши механическія изобрѣтенія не облегчили ни на волосъ положенія трудящихся классовъ; что они только дали возможность большему числу людей жить жизнью острожниковъ и большему числу фабрикантовъ—обогащаться.—Всякому извѣстно также, что въ пирамидальномъ обществѣ кредитъ есть выраженіе довѣрія къ имущимъ и недовѣрія къ неимущимъ, такъ какъ послѣдніе кредитомъ не пользуются. Поэтому развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, если онъ не будетъ особыми путями направленъ ко благу народа, дастъ только средства обирать народъ.—Всякому извѣстно, что когда акціонерная компанія беретъ на себя какое-нибудь производство, то она раззоряетъ въ районѣ своихъ дѣйствій всѣ мелкія хозяйства и вводитъ нищету.—Всякому извѣстна, наконецъ, формула, къ которой пришли добросовѣстные экономисты самыхъ различныхъ направленій: національное богатство есть нищета народа.—Поэтому всякому понятно, что и «Гражданинъ», и «С.-Петербургскія Вѣдомости», и вся публицистика, ратующая за развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ,

за умноженіе акціонерныхъ обществъ въ Россіи, за развитіе отечественной промышленности,— ратуетъ за гибель и нищету русскаго народа. Мы думаемъ, что это понятно даже самимъ «Гражданину» и «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ».

Но представимъ себѣ, что публицисты наши завтра измѣнятъ свою точку зрѣнія и объявятъ себя служителями непосредственно народа, только народа. Представимъ себѣ, что они нетолько не провоцируютъ облегченія учрежденія акціонерныхъ компаній, развитія отечественной промышленности, кредита и проч., но постоянно обращаютъ вниманіе правительства и общества на оборотную сторону этихъ явленій. Представимъ себѣ далѣе, что публицисты вырабатываютъ широкую систему спеціально-народнаго кредита; что, вмѣсто всевозможныхъ субсидій, гарантій и привиллегій частнымъ предпринимателямъ и обществамъ, они требуютъ государственной помощи для сохраненія въ народѣ имѣющихся уже у него орудій производства и пріобрѣтенія новыхъ; что нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерныя компаніи, а производительныя артели; что успѣховъ земледѣлія они не отдѣляютъ отъ условій благопріятнаго положенія земледѣльца, свободы труда—отъ самостоятельности рабочаго и проч., и проч. Что будетъ, если всѣ эти домогательства публицистовъ осуществятся или приблизятся къ осуществленію? Производство и потребленіе будутъ конечно расти, потому что наши гипотетическіе публицисты не думаютъ враждовать съ кредитомъ, съ машинами, съ принципомъ сочетанія экономическихъ силъ и со всѣми другими помощниками человѣка. Но такъ какъ машины, напримѣръ, они предполагаютъ состоящими въ рукахъ трудящихся классовъ, то машины эти не могутъ уже отнять у кого-нибудь заработокъ. Или такъ-какъ нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерную компанію, подрывающую и разворяющую въ извѣстной мѣстности мелкія хозяйства, а соединеніе самыхъ этихъ хозяйствъ, то понятно, что такому товариществу разворять некого. А между тѣмъ, товарищество это, между членами котораго нѣтъ ни спекулянтовъ, ни незаинтересованныхъ въ производствѣ, повело бы свое дѣло лучше акціонерной компаніи. Итакъ, программа нашихъ гипотетическихъ публицистовъ, направленная единственно ко благу народа, попутно достигаетъ общихъ экономическихъ результатовъ, по крайней мѣрѣ, не худшихъ, чѣмъ тѣ, которые радуютъ сердца теперешнихъ нашихъ публицистовъ. Добиваясь національнаго богатства, мы его получаемъ, но получаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ же нищету народа; добиваясь благосостоянія народа, мы получаемъ и его, и національное богатство.

Читатель можетъ сказать намъ, что все, что мы говоримъ, имѣетъ только косвенное отношеніе къ занимающему насъ собственно литературному вопросу. Положимъ, скажетъ читатель, что и «Гражданинъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» одинаково

работаютъ на гибель русскаго народа. Это печально. Но дѣло не въ этомъ. Вы мнѣ скажите, отчего и «Гражданинъ», и «С.-Петербургскія Вѣдомости» плоски, слабы, безцвѣтны, вялы собственно въ литературномъ отношеніи. Я могу представить себѣ, что и неодобрительное дѣло ведется хорошо или, по крайней мѣрѣ, ловко, но я и этого не вижу.

Читатель, этому существуютъ причины двоякаго рода: общія и частныя, мѣстныя. И мы не уклонились отъ нихъ, а напротивъ, приблизились къ нимъ, благодаря предъидущимъ разсужденіямъ. Читатель, повторяемъ, знаетъ не хуже насъ, не хуже «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», не хуже «Гражданина», что національное богатство есть нищета народа, что свобода труда есть рабство работника и проч. Но онъ, можетъ быть, не замѣчалъ, что причины, обусловливающія этотъ маскарадъ, дѣлаютъ изъ знанія незнаніе или, по крайней мѣрѣ, непониманіе. Въ прошлый разъ мы видѣли образчики такого превращенія. Но въ исторіи политической экономіи можно найти примѣры, еще болѣе поучительные. Изъ упомянутой выше книги г. Зибера, читатель убѣдится, что вся огромная масса изслѣдованій о законѣ цѣнности (составляющихъ одинъ изъ главнѣйшихъ и основныхъ отдѣловъ политической экономіи), которая болѣе или менѣе уклонялась отъ понятія о трудѣ, какъ единственномъ источникѣ и мѣрилѣ цѣнности, пропала для науки безслѣдно; что и во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ ученіемъ о цѣнности (а съ нимъ связаны почти всѣ экономическіе вопросы) наука подвинулась со времени своего основанія на столько, на сколько она не упускала изъ виду и развивала этотъ основной принципъ. Конечно, какой-нибудь Маклеодъ, какой-нибудь Рошеръ обладаютъ несравненно большими познаніями, чѣмъ какія имѣлъ Адамъ Смитъ, но это не мѣшаетъ наукѣ Маклеода быть сосудомъ незнанія и непониманія. И если мы будемъ искать причинъ этого обстоятельства, то онѣ будутъ заключаться, главнымъ образомъ, въ забвеніи или умаленіи роли труда въ производствѣ, практически—роли трудящихся классовъ, роли народа. Можно сказать положительно, что политическая экономія, какъ наука, а не какъ сборникъ эмпирическихъ законовъ, практическихъ правилъ и хозяйственныхъ примѣтъ, существуетъ постольку, поскольку эта роль понята и поставлена во главу угла всего зданія. Послѣдній представитель классической политической экономіи, Милль грѣшенъ не извращеніемъ истины, какъ цѣлая фаланга французскихъ и нѣмецкихъ экономистовъ, а недостаточнымъ развитіемъ ея. И то ему на старости лѣтъ приходится получать сюрпризы, сбивающіе его установившіяся долгими трудами понятія. Всегда добросовѣстный Милль, котораго даже желчный и часто несправедливый къ людямъ Марксъ, выдѣляетъ, вмѣстѣ съ Фосеттомъ и нѣкоторыми другими, изъ общей клики экономистовъ, Милль объявилъ, по поводу книги Торнтона «Трудъ, его ложныя требованія» и проч., слѣдую-

щее: «Теорія, проповѣдуемая всѣми или почти всѣми экономистами (въ томъ числѣ и мною), о невозможности соглашеніями рабочихъ поднять заработную плату или объ ограниченіи ихъ дѣятельности, въ этомъ отношеніи, нѣсколько раньшимъ достиженіемъ такого повышенія, которое было бы произведено и безъ того соперничествомъ рынка—эта теорія теперь лишена всякаго научнаго основанія и должна быть отброшена. Достоинства и недостатки дѣятельности рабочихъ союзовъ становятся теперь вопросомъ общественнаго долга и благоразумія, а не вопросомъ, безусловно разрѣшаемымъ непреложными требованіями политической экономіи» (Торнтонъ, русск. перев., 427). Другой сюрпризъ доставила Миллю книга Мена объ общинномъ землевладѣніи. Вотъ къ какому еретическому заключенію пришелъ, между прочимъ, по поводу ея Милль: «Остается открытымъ вопросъ—какія изъ идей наиболѣе пригодны къ тому, чтобы править въ будущемъ, древнія ли идеи, или новыя. Если переходъ отъ однѣхъ къ другимъ произошелъ вслѣдствіе обстоятельствъ, изъ которыхъ міръ успѣлъ уже высвободиться, а тѣмъ болѣе, если этотъ переходъ произошелъ въ значительной степени вслѣдствіе насилія, то было бы лучше, можетъ быть, остановиться, по крайней мѣрѣ, на принципѣ древнихъ учрежденій, какъ болѣе пригодномъ, нежели принципѣ учрежденій позднѣйшаго времени, чтобы послужить основаніемъ для болѣе совершеннаго, прогрессивнаго устройства общества» (Ковальскій, Англо-саксонская сельская община, 40). Пожалѣемъ мимоходомъ, что книга Мена, заставившая такого человѣка, какъ Милль, подписать это во многихъ отношеніяхъ самоотреченіе, до сихъ поръ не издана порусски, хотя объявленія о ея переводѣ и печатались одно время въ газетахъ.

Если политическая экономія, какъ наука, существуетъ постольку, поскольку во главѣ угла ея зданія стоитъ роль труда; если уклоненія отъ этого принципа дѣлаютъ изъ науки незнаніе и осуждаютъ ее на перемалываніе нѣсколькихъ эмпирическихъ правилъ и хозяйственныхъ примѣтъ; то само собою понятно, что публицистика, руководствующаяся этимъ незнаніемъ и игнорирующая интересы труда, должна быть безцвѣтна, слаба, плоска, вяла. Таковы общія причины неудовлетворительности нашей журналистики, поскольку она занимается экономическими вопросами. Но есть еще причины частныя, мѣстныя и мы на нихъ не разъ указывали.

Колесо національнаго богатства только что начинаетъ вертѣться въ Россіи и при томъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Вопервыхъ, огромная часть производительныхъ силъ страны находится еще въ рукахъ народа, т.-е. трудящихся классовъ. Значитъ, для созданія національнаго богатства по программѣ отечественной журналистики, надо отодрать громаду народа отъ земли и орудій производства. Вовторыхъ, отодраніе это надо производить сознательно, потому что прислу-

знаемся же мы къ тому, что дѣлается и дѣлалось въ Европѣ; знаемъ же мы, что національное богатство есть нищета народа, что Миллю приходится задумываться насколько состоятельны тѣ самыя начала, которыя мы у себя вводимъ. Втретьихъ, отодраніе должно быть произведено въ пользу лицъ и интересовъ еще не существующихъ, а только имѣющихъ образоваться самымъ процессомъ отодранія. Сознательное, но безцѣльное преступленіе — вотъ что приходится дѣлать современной журналистикѣ при нынѣшнемъ ея направленіи. Что можетъ быть ужаснѣе такой задачи, такого положенія? И мудрено ли, что эти люди ходятъ и пишутъ какъ тѣни, что грозный приговоръ потомства, подсказываемый имъ по временамъ совѣстью, связываетъ имъ языкъ и руки, отгоняетъ образы отъ воображенія мысли отъ разума. Мудрено ли, что имъ нужно опьяненіе хорошими словами и общими мѣстами съ одной стороны, мелочами будничной жизни—съ другой. Я думаю, что самому закоренѣлому злодѣю нужно напиться пьянымъ, чтобы сознательно совершить безцѣльное убійство. Кто знаетъ, можетъ быть и въ «Гражданинѣ», и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» есть большіе таланты, но, придавленные своимъ ужаснымъ, почти невѣроятнымъ положеніемъ, они не могутъ развернуться. Прильпе языкъ къ гортани ихъ. И таково положеніе вещей, что этому надо почти радоваться, за людей, за человѣческую природу радоваться. Еслибы при такомъ дѣлѣ языкъ не прилипъ къ ихъ гортани, это были бы какія-то чудовища, которымъ нѣтъ имени въ зоологіи. И потому я еще разъ говорю: явись въ современную литературу десятки крупныхъ талантовъ, первоклассныхъ мастеровъ техники и ученѣйшихъ людей, они ни на волосъ не измѣнятъ физіономіи литературы, если принесутъ съ собой только таланты, технику и знанія. Эдипъ де-Пуле, Эдипъ Коршъ, вы жалки съ своими объясненіями и панацеями. И еслибы не окружающій васъ limbus infantum, вы заслуживали бы болѣе жесткаго опредѣленія. Вы знаете девизъ Софоклова сфинкса, загадывавшаго загадки и вашему греческому тезкѣ: угадай, или я тебя пожру. Вы не угадали, новѣйшіе Эдипы, загадки времени, васъ нѣтъ, васъ ваше время пожрало. Вы имѣете полное право пѣть извѣстную разухабистую пѣсню:

Безъ меня меня женили,
Я на мельницѣ былъ.

Вы именно были и остаетесь на мельницѣ и мелете, мелете въ надеждѣ, что когда нибудь все перемелется и мука будетъ.

Однако, скажетъ читатель, вы говорили только о характерѣ экономическихъ статей, но вѣдь есть и другія области науки, есть искусство. Это справедливо. Но мы вовсе не такъ далеко забѣжали впередъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Прежде всего надо замѣтить, что въ литературѣ всегда есть одна струна, которая задаетъ тонъ всѣмъ остальнымъ. Почему сегодня даетъ тонъ такая-то именно струна, а завтра такая-то,

это зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ, опредѣляемыхъ самой жизнью. Такими струнами были у насъ послѣдовательно поэзія, философія, литературная критика, экономическіе вопросы, естествознаніе; такою струною въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ могутъ стать политическіе вопросы. Что даетъ тонъ современной литературѣ, это одному Богу извѣстно. Но самая видная сторона нынѣшней общественной жизни есть несомнѣнно экономическая. Сюда устремлены всѣ помышленія и аппетиты. Поэтому отношеніе литературы къ экономическимъ вопросамъ уже опредѣляетъ до извѣстной степени общую физіономію литературы. Далѣе, всѣ предъидущія соображенія могутъ быть приложены и ко всякаго рода другимъ вопросамъ.

Вольтеръ, будучи далеко не первостепеннымъ поэтомъ, написалъ прекрасную оду къ свободѣ. У насъ есть высоко даровитые поэты, но ни одинъ изъ нихъ не напишетъ ничего подобнаго. Вольтеръ вѣрилъ въ свободу, мы не вѣримъ и, прибавлю, имѣемъ право не вѣрить въ нее въ томъ смыслѣ, въ какомъ она вдохновляла Вольтера, ибо и она подверглась дѣйствію вышеприведеннаго соціологическаго закона, и мы это очень хорошо знаемъ. И здѣсь опять таки внѣ интересовъ народа спасенія литературѣ нѣтъ: все остальное съѣлъ нашъ совершенно законный скептицизмъ. О вредѣ тенденціозности говорить могутъ только Эдипы де-Пуле. Мы позволимъ себѣ напомнить, что мы давно уже приводили доказательства въ пользу того, что служеніе чистой красотѣ есть мифъ; что, поклоняясь чистой, идеальной красотѣ, жрецъ чистаго искусства только возводитъ въ принципъ тѣ черты эмпирической красоты, которыя ему доступны; что онъ только ратуетъ за тѣ общественныя условія, которыя дали возможность выработаться этой эмпирической красотѣ. А Эдипы лѣзутъ съ техникой. Читали-ли они лирическое стихотвореніе, болѣе высоко художественное, чѣмъ «пѣсня о рубашкѣ» Томаса Гуда? И знаютъ-ли они вмѣстѣ съ тѣмъ лирическое стихотвореніе болѣе тенденціозное? Мнѣ говорили, что одинъ критикъ раскастилъ недавно, между прочимъ, старый разсказъ г. Тургенева «Муму». Самъ я не читалъ этой критики и не знаю аргументаціи автора ея. Но для меня въ образѣ этого глухонѣмаго дворника, отправляющагося топить, по приказанію нервной и чувствительной барыни, свою собаку—единственное утѣшеніе въ жизни, въ этомъ образѣ сосредоточивается цѣлая эпопея крѣпостничества. И я говорю, что это высоко художественное произведеніе, именно потому, что авторъ въ немъ служилъ не праздному любопытству, не чистой красотѣ, воспитанной насчетъ глухонѣмыхъ дворниковъ, и не такимъ идеямъ, въ которыя онъ не вѣритъ, и не такимъ, которыя составляютъ достояніе секты, а идеѣ народа. И если поставить рядомъ съ этой прелестной и полной глубокаго содержанія картинкой теперешнія произведенія г. Тургенева, въ которыхъ «воспѣваетъ, простодушный, онъ любовь и красоту»,

въ которыхъ техника доведена до совершенства, то никто, я думаю, не задумается сказать «гдѣ лучше». А между тѣмъ талантъ не оставилъ г. Тургенева, его оставило чутье, и въ этомъ все дѣло.

Да не упрекнетъ меня читатель въ томъ, что я отвожу слишкомъ узкія границы мотивамъ современной беллетристики. Я не то хочу сказать, что беллетристика должна изображать исключительно страданія и радости мужиковъ. И это тема обширная и благодарная. Но не въ ней одной дѣло. Желательно, чтобы измѣнилась физіономія всей литературы и если она въ цѣломъ станетъ голосомъ общественной совѣсти и служительницей истины и справедливости, то и беллетристы найдутъ свои, нынѣ потерянныя ими темы. Напоненъ почему не ждать и не желать, чтобы идея труда заняла въ беллетристикѣ то-же или по крайней мѣрѣ такое-же мѣсто, какое занимаетъ идея любви. Любовь есть основной мотивъ беллетристики со временъ незапамятныхъ. Беллетристы выворачиваютъ ее и такъ, и этакъ, часто строятъ на ней произведенія высокаго нравственнаго достоинства, но столько же часто волочатъ ее въ грязи и благоуханныхъ салоновъ и кабаковъ. И однако этотъ, въ сущности очень простой мотивъ не надоѣлъ, не исчерпалъ себя. Почему предполагать, что идея труда исчерпаетъ себя скорѣе или сузитъ рамки поэтической дѣятельности? Трудъ, какъ вѣчная доля человѣчества, безконечно разнообразенъ въ своихъ условіяхъ, въ своихъ цѣляхъ, въ своихъ формахъ, въ своихъ комбинаціяхъ. Это море бездонное.

Я заболтался съ вами, читатель, пора кончать, и потому не буду на этотъ разъ говорить о задачахъ различныхъ отраслей науки въ виду идеи народа или интересовъ труда, тѣмъ болѣе, что объ этомъ у насъ уже была рѣчь въ послѣдней прошлогодней книжкѣ. Случай выпадетъ, и мы договоримъ недоговоренное. Я заканчиваю чѣмъ началъ: желаю вамъ на новый годъ честной и смѣлой литературы, внутренно честной и смѣлой, которая не боялась бы своихъ собственныхъ знаній, мыслей и чувствъ, которая ежеминутно задавала бы себѣ вопросы и не отходила отъ нихъ, не получивъ полнаго и безповоротнаго отвѣта.

Впрочемъ, съ вашего позволенія, еще нѣсколько словъ. Съ новаго года редакторомъ «Гражданина» состоитъ нашъ извѣстный и талантливый беллетристъ, г. Достоевскій. Что онъ сдѣлаетъ изъ «Гражданина» неизвѣстно. Поживемъ увидимъ. А пока въ «Дневникѣ писателя» г. Достоевскаго (въ № 1), обратили на себя наше вниманіе слѣдующія слова: «Я засталъ Бѣлинскаго страстнымъ соціалистомъ и онъ прямо началъ со мной съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменательнаго, именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей. Интернаціоналка въ одномъ изъ своихъ воззваній, года два тому назадъ, начала

прямо съ знаменательнаго заявленія: «мы прежде всего общество атеистическое», т.-е. начала съ самой сути дѣла; тѣмъ же началъ и Бѣлинскій... Какъ соціалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начинать съ атеизма. Ему надо было низложить ту религію, изъ которой возникли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества... Ученіе Христово онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукою и экономическими началами». Мы оставимъ безъ разсмотрѣнія логическую сторону рѣчей г. Достоевскаго: почему Бѣлинскій долженъ былъ и проч. Мы скажемъ только нѣсколько словъ о фактической сторонѣ дѣла. Богословскими вопросами соціализмъ никогда не занимался. Въ этомъ отношеніи между соціалистами существуютъ самыя различныя мнѣнія. Если г. Достоевскій приводитъ цитату изъ прокламаціи «интернаціоналки», то можно бы было привести тысячи цитатъ изъ Фурье, Сенъ-Симона, Луи Блана и проч., въ которыхъ на бытіи божіемъ настаивается въ самыхъ опредѣленныхъ и подчасъ пламенныхъ выраженіяхъ. Что касается въ частности христіанства, то почти всѣ соціалисты признавали его ученіемъ высоко-нравственнымъ. Гораздо больше единства во взглядахъ соціалистовъ на вопросы нравственно-политическіе, однако и здѣсь еще довольно разногласій. Такъ одни обращаютъ вниманіе на форму правленія, другіе нѣтъ, одни требуютъ сильной центральной власти, другіе стоятъ за мѣстное самоуправленіе, одни рѣшаютъ вопросъ о положеніи женщинъ такъ, другіе иначе и проч. Наконецъ, всѣ соціалисты согласны въ томъ, что рабочему принадлежитъ исключительное право на продуктъ его труда въ полномъ объемѣ. Согласны они всѣ также въ томъ, что результатъ этотъ можетъ быть достигнутъ только при помощи ассоціаціи. Затѣмъ относительно путей, которыми можетъ осуществиться въ жизни ихъ экономическій идеалъ, — опять полное разногласіе. Итакъ, если мы говоримъ о соціализмѣ вообще, то не имѣемъ ни малѣйшаго права навязывать ему какое бы то ни было богословское или даже какое бы то ни было нравственно-политическое ученіе. Мы можемъ говорить объ немъ, только какъ объ экономическомъ ученіи. Мы сочли нужнымъ указать на это по слѣдующей причинѣ. Экономическое зерно соціализма не представляетъ у насъ, въ Россіи, ученія революціоннаго, такъ какъ большинство нашего народа владѣетъ продуктами своего труда, и достигаетъ этого при помощи ассоціаціи—поземельной общины. Между тѣмъ совершенно неосновательныя показанія и разсужденія въ родѣ тѣхъ, какія дѣлаетъ г. Достоевскій, пугаютъ общество и извращаютъ истину. Это ведетъ къ множеству печальныхъ результатовъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ хоть одинъ—Нечаевское дѣло. Еслибы соціалистическія ученія у насъ не инсинуировались безъ толку и рус-

ское общество, въ особенности русская молодежь имѣла возможность понимать и здраво обсуждать ихъ, то Нечаевъ, какъ представитель международнаго общества рабочихъ, собралъ бы очень небольшую жатву. Русская молодежь могла бы отвѣтить на всѣ его искушенія: я могу сочувствовать и не сочувствовать международному обществу въ Европѣ, но въ Россіи ему дѣлать нечего. Революціонный въ Европѣ, соціализмъ въ Россіи консервативенъ.

Н. М.